

Научная статья

УДК 811.512.156

DOI 10.17223/18137083/96/14

Прагматические функции частицы *ийик* в тувинском языке

Азияна Витальевна Байыр-оол

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
azikoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2844-2700>

Аннотация

Исследуются прагматические функции тувинской частицы *ийик* в утвердительных и вопросительных высказываниях. Показано, что *ийик* реализует апеллятивную функцию, актуализируя общее фоновое знание участников коммуникации. В утвердительных конструкциях частица служит для напоминания о фактах, уже известных собеседникам. В вопросительных конструкциях *ийик* выступает с вопросительной частицей *бе* (*ийикпе* / *ийик бе*) как маркер вопроса-подтверждения и с вопросительными местоимениями как средство актуализации забытого знания. С точки зрения теории речевых актов выделены иллокутивные типы и перлокутивные эффекты, обусловленные употреблением частицы.

Ключевые слова

тувинский язык, частица, прагматика, апеллятивная функция, прагматическая функция, общие фоновые знания, теория речевых актов

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИФЛ СО РАН (FWZU-2026-0004: «Структура, семантика и прагматика языков Сибири и Дальнего Востока: документация и систематизация лингвистических явлений в рамках корпусного подхода»)

Для цитирования

Байыр-оол А. В. Прагматические функции частицы *ийик* в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 187–198. DOI 10.17223/18137083/96/14

© Байыр-оол А. В., 2026

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 187–198
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 3, pp. 187–198

Pragmatic functions of the particle *iyik* in the Tuvan language

Aziyana V. Bayyr-ool

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Novosibirsk, Russian Federation

azikoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2844-2700>

Abstract

This paper examines the pragmatic functions of the Tuvan particle *iyik* in declarative and interrogative utterances. The study aims to identify and describe the appellative function of the particle *iyik*, understood as the orientation of the utterance toward the addressee and the actualization of common background knowledge shared by the participants of communication. The material comprises examples from Tuvan literary fiction and authentic colloquial speech. The structural analysis reveals that in declarative constructions, *iyik* serves to remind the addressee of facts already known to both interlocutors. In interrogative utterances, the particle appears in two distinct types of constructions. First, in combination with the interrogative particle *be* (*iyikpe* / *iyik be*), it marks a confirmation question aimed at verifying information that the speaker does not fully possess. Second, when paired with interrogative pronouns (*qim* “who”, *čüü* “what”, *qayda* “where”, etc.), it signals the actualization of forgotten knowledge that the speaker previously possessed but cannot recall at the moment of speech. From the perspective of speech act theory, the study demonstrates that *iyik* functions as a marker of various illocutionary acts—ranging from reminding to requesting confirmation or the recovery of forgotten knowledge. The perlocutionary goal in all cases is to elicit a specific reaction from the addressee: a nod, verbal agreement, or factual information. Ultimately, the results of this study contribute to the research on the pragmatics of Turkic particles and can be utilized in the description of discourse markers in the Tuvan language.

Keywords

Tuvan language, particle, pragmatics, appellative function, pragmatic function, common background knowledge, speech act theory

Acknowledgments

This research was conducted within the framework of the state assignment for the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (FWZU-2026-0004: “Structure, Semantics, and Pragmatics of Languages of Siberia and the Far East: Documentation and Systematization of Linguistic Phenomena within a Corpus-Based Approach”)

For citation

Bayyr-ool A. V. Pragmatische funktsii chastitsy *iyik* v tuvinskom yazyke [Pragmatic functions of the particle *iyik* in the Tuvan language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2026, no. 3, pp. 187–198. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/96/14

Введение

Исследованием прагматики частиц и их функций в русистике в рамках коммуникативно-прагматического направления занимались многие лингвисты, в том числе Т. М. Николаева, И. М. Кобозева, Н. Д. Арутюнова, Р. С. Столнейкер, Е. В. Падучева и др. По определению Р. С. Столнейкера, «прагматика – это наука, изучающая язык в его отношении к тем, кто его “использует”» [Столнейкер, 1985, с. 419], а прагматические функции частиц имеют отношение к «организации процесса коммуникативного взаимодействия» [Кобозева, 1991, с. 158]. По мнению

Т. М. Николаевой, «частицы несут на себе весь максимум коммуникативного (в отличие от номинативного) пласта высказывания. Они передают отношение к ситуации, отношение элементов текста друг к другу, отношения говорящих и отношение говорящего к той системе “общего фонда знаний”, которая объединяет адресанта и адресата. Таким образом, это слова, максимально ответственные за удачу общения» [Николаева, 2005, с. 14].

В русистике имеются словари, в которых подробно описаны функции этого класса слов. К числу таких словарей относится «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка», в котором впервые предпринято подробное контекстно-семантическое описание служебных единиц [Баранов и др., 1993]. «Словарь русских частиц» представляет собой систематизированное описание неизменяемых коммуникативных слов, которые выражают субъективно-модальные характеристики высказывания, участвуют в образовании форм предложения и передают разнообразие отношения говорящего к сообщаемому [Шимчук, Щур, 1999].

Прагматические функции частиц, шире – дискурсивных слов, также неоднократно получали освещение в многочисленных статьях исследователей.

Комплексный разноаспектный подход к изучению частиц предлагается в монографии Е. А. Стародумовой. Автор рассматривает частицы с точки зрения семантики и прагматики, коммуникативно-синтаксического уровня, функциональной классификации, а также представляет детальные языковые портреты отдельных единиц [Стародумова, 2002].

В тюркологии частицам на материале разных языков посвящены статьи, разделы грамматик и отдельные монографии, но по прагматике частиц работ крайне мало. Среди них можно назвать работы М. Адыгюзеля, в которых рассматриваются прагматические функции турецких частиц [Adıgüzel, 2015; 2023].

Отглагольная частица *ийик* неоднократно привлекала внимание исследователей тувинского языка. Данную частицу Д. М. Насилов возводит к форме прошедшего времени на *-juk* от древнетюркского глагола бытия *эр-* ‘быть’, который в современном тувинском языке не сохранился [Насилов, 1966, с. 99]. Несколько иной версии о происхождении частицы *ийик* придерживается Б. И. Татаринцев, который считает, что *ийик* является результатом звукового перехода *-d-* > *-й-* и восходит к *идик*, а последнее – по-видимому, к *<*эр-дик*, где *-дык* также является формой прошедшего времени [Татаринцев, 2002, с. 355].

Мы разделяем точку зрения Д. М. Насилова, согласно которой древняя форма на *-juk* сохранилась в тувинском и хакасском языках как в составе вспомогательного глагола *ийик*, так и в качестве самостоятельной временной формы на *-чык*. «И поскольку *ийик* < **эр-j(e~u)к* – образование очень древнее и рано выпавшее из всей системы форм глагола *эр-*, в *ийик* сохранился исторический фонетический облик аффикса с *j*. Так как форма **эр-j(u)к* имела определенное модальное значение категоричности, то в тувинском языке она, перестав осознаваться как глагольная, перешла в разряд частиц в качестве частицы усиления» [Насилов 1966, с. 99]. Форма на *-чык*, восходящая к *-juk*, – это форма прошедшего времени, которая на территории Сибири сохранилась только в тувинском и хакасском языках.

В современном тувинском языке частица *ийик* имеет различные значения и функции в зависимости от употребления в простом или в сложном предложении. В простом предложении частица *ийик* употребляется при выражении утвердительного или усилительного значения, а также выполняет союзные функции [ТРС, 1968, с. 204; ТСТЯ, 2003, с. 583]. Ранее нами исследовалась данная частица, а также образованные с ней многочисленные составные частицы в простых пред-

ложениях [Байыр-оол, 2009a]. Эти частицы в тувинском языке выражают различные модальные значения и активно употребляются в речи. Исследователями также описывалась функция данной частицы в образовании условно-согласительных конструкций тувинского языка [Сат, 1955, с. 705; Исаков, Пальмба, 1961, с. 404; Насилов, 1966, с. 99; Монгуш, 1998, с. 130; Байыр-оол, 2009b].

Предметом исследования в данной работе является семантика тувинской частицы *ийик* в повествовательных и вопросительных конструкциях с точки зрения ее прагматических функций. Объединяющим признаком данных конструкций является обращение к фоновому знанию: в утвердительных высказываниях это напоминание о факте, известном обоим участникам коммуникации; в вопросительных – запрос на уточнение информации, которой говорящий и адресат владеют в неодинаковой степени.

В лингвистике применительно к общим знаниям, объединяющим говорящего и адресата, используются понятия *апперцепционная база* или *фоновые знания говорящих*. Ими обозначаются знания и опыт говорящих, которые так или иначе могут входить при разговорном общении в коммуникацию, прямо взаимодействуя с ее вербальной семантико-синтаксической структурой [Якубинский, 1923, с. 9]. Различают обще- и частично-апперцепционные базы. Общеапперцепционная база объединяет всех или многих носителей языка. Частично-апперцепционная база – это те фоновые знания, которые объединяют только какой-то микроколлектив носителей языка (семья, коллеги, друзья) или участников ситуации [Земская и др., 1981, с. 194–196; Ширяев, 2001, с. 133]. Употребление частицы *ийик* в данном значении обусловлено апелляцией к частично-апперцепционной базе, направленной на актуализацию этого знания. Апеллятивная функция является одной из фундаментальных прагматических категорий [Якобсон, 1975], поскольку она описывает ориентацию высказывания на адресата. Согласно теории речевых актов, разработанной Дж. Остином и развитой Дж. Сёрлем, в любом высказывании можно выделить три уровня: локутивный (акт говорения), иллокутивный (намерение говорящего) и перлокутивный (воздействие на адресата) [Сёрль, 1986]. Через иллокутивный акт реализуется апеллятивная функция языковых средств.

Материалом нашего исследования послужили примеры из художественной литературы. К исследованию привлекались и наши субъективные наблюдения над тувинской разговорной речью.

1. Утвердительные конструкции с частицей *ийик*

В утвердительных высказываниях частица *ийик* служит маркером того, что пропозиция не является новой для адресата, а относится к уже известным, фоновым знаниям участников диалога. Употребление *ийик* позволяет говорящему не просто констатировать факт, а актуализировать его в сознании собеседника для решения конкретной коммуникативной задачи. Рассмотрим подробнее, как именно апеллятивная функция *ийик* реализуется в утвердительных конструкциях.

- (1) *Сээң харын бажа-баарың-даа кижиге дижир ийик.* [Кандыг ийик чээ? Чугаалап көрөм – дээш, Дажыма шай пактап, таакпылавышаан, шенээн сыр-тангаш, дыңнаарын манап чыдып алган.] (Сарыг-оол, 1987, с. 17)

сэ=эң	харын	бажа-баар=ың-даа	кижиге
ты.GEN	ну	свояк-печень=POSS2Sg-PTCL	человек
диж=ир		ийик	

говорить=PrP PTCL

‘Ну, говорят ведь, (он) твой свояк.’ [Какой же он? Расскажи, пожалуйста, – сказав, Дажыма глотнул чай, продолжая курить, подложив под голову локоть, лег слушать].

В примере (1) говорящий напоминает собеседнику о факте, который уже известен им обоим. Здесь употребление *ийик* продиктовано апелляцией к фоновому знанию. Актуализация этого знания служит основой для дальнейшего разговора.

При глагольных сказуемых *ийик* употребляется в постпозиции к причастной форме, но перед показателем лица.

- (2) ...мен-не хамыкты мурнай малымын экизин, эдимниң чаазын шилип тур-
гаи кирген *ийик* мен. (Кенин-Лопсан, 1965, с. 19)

мен-не	хамык=ты	мурнай	мал=ым=нын
я-PTCL	все=ACC	раньше всех	скот=POSS1Sg=GEN
эки=зи=н		эд=им=ниң	чаа=зы=н
хороший=POSS3Sg=ACC		вещь=POSS1Sg=GEN	новый=POSS3Sg=ACC
шили=п	тур=гаш	киир=ген	ийик мен
выбирать=CV	стоять=CV	вносить=PP	PTCL 1Sg

‘Я-то раньше всех внес ведь, выбирая, лучшее из своего скота, самое новое из своих вещей.’

В предложении (2) частица *ийик* выполняет апеллятивную функцию: говорящий не сообщает новость, а напоминает адресату о своих прошлых действиях (он вносил раньше всех лучшее из своего скота, имущества) из общих фоновых знаний, что является важным для разговора. В контексте примера речь идет о неприятном упреке говорящему, он же оправдывает себя, доказывает свою правоту. Иллокутивным актом здесь является не просто напоминание, а оправдание с имплицитным требованием признания (перлокутивная цель – изменить мнение адресата или его отношение к говорящему).

Частица *ийик* в данном значении часто выступает с частицей *чоп*. *Ийик чоп* употребляется говорящим при выражении напоминания, обращенного к адресату, с целью усиленного подчеркивания, подтверждения основного содержания высказывания (см. (3)).

- (3) Улуг улус мегелевес *ийик чоп*. [Че... айтып бер даан, кырган-авай...] (Байсало-
лова, 1997, с. 50)

улуг	улус	мегеле=вес	ийик	чоп
большой	люди	обманывать=NEG.PrP	PTCL	PTCL

‘Взрослые люди не обманывают ведь.’ [Ну... скажи, бабушка...]

В предложении (3) частицей *ийик* осуществляется апелляция к общему знанию, которая усиливается в сочетании с усилительной частицей *чоп*, подчеркивая уверенность говорящего в истинности утверждения и придавая ему категоричность. Из контекста известно, что говорящий (ребенок) предполагает, что адресат (бабушка) разделяет утверждение о том, что взрослые не обманывают, и призывает ее подтвердить это разделяемое знание.

В утвердительных высказываниях частица *ийик* выполняет комплексную прагматическую функцию, прежде всего реализуя апелляцию к общему (фоновому)

му) знанию собеседников. В отличие от нейтральной констатации факта, *ийик* маркирует пропозицию как уже известную собеседнику, актуализируя ее для различных целей коммуникации: простое напоминание (см. (1)), оправдание с требованием признания (см. (2)) или категоричное утверждение (см. (3)) и т. п.

2. Вопросительные конструкции с частицей *ийик*

В вопросительных высказываниях частица *ийик* также реализует апеллятивную функцию, однако ее прагматическая задача меняется: если в утверждениях говорящий уверенно апеллирует к общему знанию, то в вопросах он не уверен в достоверности собственного знания (сомнение, забывание или потребность в подтверждении). Обращаясь к адресату, говорящий предполагает, что тот владеет нужной информацией, и использует *ийик* для ее верификации или актуализации.

В зависимости от структуры вопроса выделяются два типа конструкций: с вопросительной частицей *бе* (*ийикне* / *ийик бе*) и с вопросительными местоимениями.

2.1. Сочетание *ийик* с вопросительной частицей *бе*

Такие сочетания мы определяем как сложные (составные) частицы, которые «образуются путем комбинации двух или более частиц, одна из которых восходит к бытийному глаголу» [Байыр-оол, 2009а, с. 5]. Данная частица при глагольных сказуемых в 3-м л. в текстах встречается как *ийик бе* и *ийикне*. При сказуемых, выраженных глаголом 1-го или 2-го л. ед. или мн. ч., предикативный показатель лица занимает позицию между *ийик* и вопросительной частицей *бе* (см. (4)).

- (4) «Хомудатса – хол чедерим» дээр *ийик сен бе*? (Бадра, 1996, с. 47)

хомудат=са хол чед=ер=им дэ=эр
обижать=COND рука дойти=PrP=POSS1Sg говорить=PrP
ийик сен бе
PTCL 2Sg PTCL

‘«Если обидят – ответу (букв.: рукой дотянусь)», – так ведь ты говоришь?’

В примере (4) *ийикне* / *ийик бе* использовано для получения от адресата подтверждения или опровержения информации, которой владеют участники диалога. В отличие от утвердительного употребления *ийик*, где говорящий уверенно апеллирует к общему фоновому знанию, в вопросительных конструкциях с *ийик бе* наряду с актуализацией информации происходит ее верификация.

Данная частица реализует апеллятивную функцию, которая заключается в обращении к адресату с целью уточнения, подтверждения, опровержения своих знаний (говорящий в чем-либо не уверен, сомневается в точности информации, не может вспомнить). При этом говорящему известно, что адресат владеет информацией, что послужило причиной обратиться к нему (см. (5)).

- (5) *Шаттың белдиринде өглер бар ийикне*? (Тока, 2001, с. 61)

шат=тың белдир=ин=де өг=лер бар **ийикне**
горная гряда=GEN пересечение=POSS3=LOC юрта=Pl **есть PTCL**
‘На пересечении горной гряды есть ведь юрты?’

Таким образом, частица *ийикпе* выполняет двойную прагматическую задачу: она маркирует апелляцию к компетенции адресата (поскольку говорящий предполагает, что собеседник владеет нужной информацией) и одновременно выражает неуверенность говорящего, который нуждается во внешнем подтверждении своей догадки. Иллокутивным актом здесь является вопрос-подтверждение, который по своей перлокутивной цели направлен на получение от адресата уточняющей информации, утвердительного или отрицательного ответа.

2.2. Употребление *ийик* с вопросительными местоимениями

Частица *ийик* в апеллятивной функции употребляется в конструкциях с вопросительными местоимениями: *кым* ‘кто’, *чүү* ‘что’, *кажан* ‘когда’, *каая* ‘где’, *канчаар* ‘как, каким образом’ и др. Рассмотрим примеры.

- (6) [Адыр, мени мана, кады чанаалы.] *Сээң бажыңың кайда ийик?* (Саган-оол, 1975, с. 260)
сээң	бажың=ың	кайда	ийик
ты.GEN	дом=POSS2Sg	где	PTCL
- [Погоди, подожди меня, вместе пойдем домой.] ‘Где же твой дом (находится)?’

В примере (6) частица *ийик*, употребленная с вопросительным местоимением *кайда* ‘где’, также выполняет апеллятивную функцию. В отличие от простого прямого вопроса *Сээң бажыңың кайда?* ‘Где твой дом?’, который не подразумевает общих фоновых знаний, *ийик* указывает на то, что говорящий в какой-то степени владел информацией, но по каким-то причинам не уверен в ее достоверности (забыл, запямятовал, не может вспомнить), т. е. говорящий также апеллирует к собственному фоновому знанию, которое он не может в данный момент актуализировать. Рассматриваемые вопросительные конструкции с *ийик* направлены не на получение принципиально новой информации, а на актуализацию уже имеющегося, но временно выпавшего из памяти знания. Иллокутивной составляющей речевого акта здесь является запрос на актуализацию забытого знания.

- (7) *Көрген: демги, кым ийик, Илиишкин ашактың оглу аан?* (Кудажы, 1971, с. 73)
көр=ген	демги	кым	ийик	Илиишкин	ашак=тың
видеть=PP	тот самый	кто	PTCL	Ильюшкин	старик=GEN
оглу	аан				
сын.POSS3Sg	PTCL				
- ‘Видел: тот самый, кто же (он), ну, сын старика Ильюшкина?’

В контексте примера (7) говорящий задает вопрос, пытаясь вспомнить имя человека, которого он недавно (местоименное слово *демги* ‘уже упомянутый, тот самый, давешний’) встретил. В высказывании также содержится уточнение *Илиишкин ашактың оглу аан* ‘ну, сын старика Ильюшкина’, в котором употреблена частица *аан*, указывающая также на «наличие пресуппозиции: говорящий использует частицу, обращаясь к информации, которой также в какой-то степени владеет и адресат» [Байыр-оол, 2024, с. 367].

В аналогичной функции *ийик* употребляется в вопросительных предложениях с глагольными сказуемыми (см. (8)).

(8) [Мындаа айтып бээринерге-даа, уттуп ап-тыр мен.] *Дөө ол тайга-биле бо сынны чүү деп адаар ийик?* (Суван, 2009, с. 112)

дөө ол тайга биле бо сынны чүү деп ада=ар
вон тот тайна и этот хребет что так называть=PrP
ийик
PTCL

[Несмотря на то, что вы недавно сказали, я забыл, оказывается.] ‘Как же называется вон та тайга и этот хребет?’

Из приведенного контекста примера (8) ясно, что частица *ийик* используется для апелляции к фоновому знанию (забытая информация). Говорящий обращается к адресату с вопросом, чтобы восстановить в памяти то, что было сообщено ранее.

Заключение

Исследование частицы *ийик* в утвердительных и вопросительных высказываниях с точки зрения ее прагматических функций показало, что она реализует апеллятивную функцию – ориентацию высказывания на адресата и актуализацию общего фонового знания участников коммуникации. Ее употребление всегда предполагает, что информация, о которой идет речь, уже известна участникам диалога, и задача говорящего – ее актуализировать, подтвердить или восстановить.

В утвердительных высказываниях *ийик* выражает уверенность говорящего в истинности сообщаемого факта и служит для напоминания, обоснования или усиления и др. В вопросительных конструкциях, напротив, *ийик* сигнализирует о неуверенности говорящего (сомневается, забыл или не может вспомнить) и служит средством обращения к адресату с целью верификации информации. В обоих случаях частица выполняет ключевую роль в организации коммуникации, поскольку маркирует общую для говорящего и адресата апперцепционную базу.

С точки зрения теории речевых актов частица *ийик* выступает маркером различных иллокутивных актов: напоминание, обоснование или оправдание в утвердительных высказываниях, в вопросительных с частицей *бе* – запрос подтверждения, с вопросительными местоимениями – запрос на актуализацию забытого знания. Перлокутивной целью во всех случаях является получение от адресата определенной реакции: кивка, словесного согласия, подтверждения или фактической информации. Таким образом, частица *ийик* обслуживает не только передачу информации, но и управление коммуникацией, обеспечивая обратную связь между участниками диалога.

Список условных обозначений

1 – 1-е лицо деятеля (‘я’, ‘мы’); **2** – 2-е лицо деятеля (‘ты’, ‘вы’); **3** – 3-е лицо деятеля (‘он’, ‘она’, ‘оно’, ‘они’); **ACC** – винительный падеж; **COND** – условный залог; **CV** – деепричастие; **GEN** – родительный падеж; **LOC** – местный падеж; **NEG.PrP** – форма отрицательного причастия на *-бас*; **PI** – показатель множественного числа; **POSS** – посессивный показатель; **PP** – форма прошедшего времени на *-ган*; **PrP** – форма причастия настоящего-будущего времени на *-ар*; **PTCL** – частица; **Sg** – единственное число.

Список литературы

- Байыр-оол А. В.* Частицы тувинского языка, образованные от бытийных глаголов (в сопоставлении с якутским и хакасским языками): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009а. 24 с.
- Байыр-оол А. В.* Отглагольная частица *ийик* в аналитических конструкциях условно-сослагательной семантики в тувинском языке // Гуманитарные науки в Сибири. 2009б. № 4. С. 93–97.
- Байыр-оол А. В.* О тематической функции частицы *аан* 'то есть, именно' в тувинском языке // Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 361–371. DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-361-371
- Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. М.: Вост. лит., 1961. 472 с.
- Кобозева И. М.* Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и семантика: Сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1991. С. 147–174.
- Насилов Д. М.* Прошедшее время на *-juk / -juq* в древнеуйгурском языке и его рефлексы в современных языках // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова. М., 1966. С. 92–104.
- Николаева Т. М.* Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 2005. 170 с.
- Монгуш Д. А.* Частицы как компонент аналитических сказуемых (на материале тувинского языка) // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1998. Вып. 4. С. 122–153.
- Сат Ш. Ч.* Тувинский язык (грамматический очерк) // Тувинско-русский словарь. М., 1955. С. 615–721.
- Сёрль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 170–194.
- Стародумова Е. А.* Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. 292 с.
- Столнейкер Р. С.* Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Прагматика. С. 429–438.
- Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск, 2002. Т. 2. 388 с.
- ТСТЯ – Толковый словарь тувинского языка / Под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 1: А–Й. 596 с.
- ТРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева М.: Сов. энциклопедия, 1968. 646 с.
- Шимчук Э. Г., Щур М. Г.* Словарь русских частиц / Под ред. В. Гладрова. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Wien: Peter Lang – Europäischer Verlag der Wissenschaften, 1999. 146 с.
- Ширяев Е. Н.* Семантико-синтаксическая структура разговорного диалога // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1 (1). С. 132–147.
- Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

- Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь. 1923. № 1. С. 96–194.
- Adıgüzel M. F. Semantic and Pragmatic Analysis of the Turkish Discourse Particle *Hele*: A Corpus-Driven Study in Lexical Profiling // Mersin Üniversitesi Dil Ve Edebiyat Dergisi. 2015. June. Vol. 12, no. 1. P. 63–92.
- Adıgüzel M. F. The functional spectrum of the Turkish pragmatic marker *Ya* // Journal of Pragmatics. 2023. Vol. 213. P. 58–71.

Список источников

- Бадра И. У. Арзылаң Күдерек. Кызыл: ТывНУЧ, 1996. 280 ар.
- Байсалова З. С. Сураc. Кызыл: ТывНУЧ., 1997. 158 ар.
- Кенин-Лопсан М. Б. Улуг хемниң шапкыны. Кызыл: ТывНУЧ, 1965. 198 ар.
- Кудажы К-Э. К. Ырак булут. Кызыл: ТывНУЧ, 1971. 382 ар.
- Саган-оол О. К. Чогаалдар чыындызы. Кызыл: ТывНУЧ, 1975. Т. 2. 267 ар.
- Сарыг-оол С. А. Алдан дургун. Кызыл: ТывНУЧ, 1987. 208 р.
- Суваң С. М. Хемчик нояны. Кызыл: Тываполиграф, 2009. 229 ар.
- Тока С. К. Улуг ужарже. Кызыл: ТывНУЧ, 2001. 222 ар.

References

- Adıgüzel M. F. Semantic and pragmatic analysis of the Turkish discourse particle *hele*: a corpus-driven study in lexical profiling. *Mersin Üniversitesi Dil ve Edebiyat Dergisi*. 2015, June, vol. 12, no. 1, pp. 63–92.
- Adıgüzel M. F. The functional spectrum of the Turkish pragmatic marker *ya*. *Journal of Pragmatics*. 2023, vol. 213, pp. 58–71.
- Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to discursive words of the Russian language]. Moscow, Pomovskiy i partnery, 1993, 207 p.
- Bayyr-ool A. V. Chastitsy tuvinskogo yazyka, obrazovannye ot bytiynykh glagolov (v sopostavlenii s yakutskim i khakasskim yazykami) [Particles of the Tuvan language formed from existential verbs (in comparison with the Yakut and Khakas languages)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2009a, 24 p.
- Bayyr-ool A. V. O tematicheskoy funktsii chastitsy *aan* ‘to yest’, imenno’ v tuvinskom yazyke [On the thematic function of the particle *aan* ‘that is, exactly’ in the Tuvan language]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics]. 2024, no. 1, pp. 361–371. DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-361-371
- Bayyr-ool A. V. Otglagol'naya chastitsa *iyik* v analiticheskikh konstruktsiyakh uslovno-soslagatel'noy semantiki v tuvinskom yazyke [The deverbial particle *iyik* in analytical constructions of conditional-subjunctive semantics in the Tuvan language]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2009b, no. 4, pp. 93–97.
- Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka* [Grammar of the Tuvan language]. Moscow, Vost. lit., 1961, 472 p.
- Kobozeva I. M. Problemy opisaniya chastits v issledovaniyakh 80-kh godov [Problems of describing particles in the studies of the 1980s]. In *Pragmatika i semantika: sb. nauch.-analit. obzorov* [Pragmatics and semantics: collection of scientific and analytical reviews]. Moscow, 1991, pp. 147–174.
- Mongush D. A. Chastitsy kak komponent analiticheskikh skazuyemykh (na materiale tuvinskogo yazyka) [Particles as a component of analytical predicates (based on

the material of the Tuvan language)]. In *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1998, iss. 4, pp. 122–153.

Nasilov D. M. Proshedsheye vremya na -juk / -juq v drevneuygurskom yazyke i yego refleksy v sovremennykh yazykakh [The past tense in -juk / -juq in Old Uyghur and its reflexes in modern languages]. In *Tyurkologicheskii sbornik. K shestidesyatiletiyu A. N. Kononova* [Turkological collection. To the sixtieth anniversary of A. N. Kononov]. Moscow, 1966, pp. 92–104.

Nikolaeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavyanskikh yazykov)* [Functions of particles in utterance (based on Slavic languages)]. Moscow, Nauka, 2005, 170 p.

Sat Sh. Ch. Tuvinskiy yazyk (grammaticheskiy ocherk) [Tuvan language (grammatical overview)]. In *Tuvinsko-russkiy slovar'* [Tuvan-Russian dictionary]. Moscow, 1955, pp. 615–721.

Searle J. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [A classification of illocutionary acts]. In *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1986, iss. 17: Teoriya rechevykh aktov [Theory of speech acts], pp. 170–194.

Shimchuk E. G., Shchur M. G. *Slovar' russkikh chastits* [Dictionary of Russian particles]. V. Gladrov (Ed.). Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Wien, Peter Lang – Europäischer Verlag der Wissenschaften, 1999, 146 p.

Shiryaev E. N. Semantiko-sintaksicheskaya struktura razgovornogo dialoga [The semantic-syntactic structure of conversational dialogue]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2001, no. 1 (1), pp. 132–147.

Starodumova E. A. *Chastitsy russkogo yazyka (raznoaspektnoye opisaniye)* [Particles of the Russian language (multidimensional description)]. Vladivostok, FESU, 2002, 292 p.

Stolneyker R. S. Pragmatika [Pragmatics]. In *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1985, iss. 16: Pragmatika [Pragmatics], pp. 429–438.

Tatarintsev B. I. *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, 2002, vol. 2, 388 p.

Tolkovyy slovar' tuvinskogo yazyka [TSTYa – Explanatory dictionary of the Tuvan language]. D. A. Mongush (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2003, vol. 1: A–Y, 596 p.

Tuvinsko-russkiy slovar' [TRS – Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenishev (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 646 p.

Yakobson R. O. Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. In *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: "for" and "against"]. Moscow, Progress, 1975, pp. 193–230.

Yakubinskiy L. P. O dialogicheskoy rechi [On dialogic speech]. *Russkaya rech'*. 1923, no. 1, pp. 96–194.

Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. V., Shiryaev E. N. *Russkaya razgovornaya rech': obshchiye voprosy. Slovoobrazovaniye. Sintaksis* [Russian colloquial speech: general issues. Word formation. Syntax]. Moscow, Nauka, 1981, 276 p.

List of sources

Badra I. U. *Arzilan Kuderek* [Kuderek the strongman]. Kyzyl, TivNÜČ, 1996, 280 p.

Baysalova Z. S. *Suras* [Bastard]. Kyzyl, TivNÜČ, 1997, 158 p.

Kenin-Lopsan M. B. *Ulug khemniñ šapkinī* [The rapids of the Great River]. Kyzyl, TivNÜČ, 1965, 198 p.

- Kudaži K.-E. K. *Īrak bulut* [A far-off cloud]. Kyzyl, TivNÜČ, 1971, 382 p.
 Sagan-ool O. K. *Čogaaldar čiidizī* [Collected works]. Kyzyl, TivNÜČ, 1975, vol. 2, 267 p.
 Sarīg-ool S. A. *Aldan durgun* [Sixty fugitives]. Kyzyl, TivNÜČ, 1987, 208 p.
 Suvaŋ S. M. *Xemčik noyanī* [Noyan of Khemchik]. Kyzyl, Tyvapoligraf, 2009, 229 p.
 Toka S. K. *Ulug užarže* [Toward the great threshold]. Kyzyl, TivNÜČ, 2001, 222 p.

Информация об авторе

Азияна Витальевна Байыр-оол, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Aziyana V. Bayyr-ool, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 01.07.2026;
 одобрена после рецензирования 13.07.2026; принята к публикации 13.07.2026
 The article was submitted on 01.07.2026;
 approved after reviewing on 13.07.2026; accepted for publication on 13.07.2026*